

— Эх, — Старик Лю непрерывно вздыхал.

Ли-ши с мрачным лицом тщательно убрала свиные потроха и голову, не позволяя никому к ним прикасаться.

Лю Цюаньфу сидел рядом, чистил зубы, живот его был полон. Он уже женил сына, поел свинины, и теперь думал о том, чтобы пойти поспать.

В этот момент Старик Лю еще не понял, что Лю Цюаньцзинь и Ли-ши отсутствуют, и, как бы он ни вздыхал, как бы ни был расстроен, никто не обращал на него внимания.

— Дядя взял половину помидоров и картофеля, которые я принес, и отнес их в дом Хромого Лая. Вот деньги, — Лю Яоцин достал из кармана связку медяков. — Дядя не успел их забрать, я попросил Чжэн-гэ сначала их взять. Эти деньги должны быть учтены в долговой расписке. Дедушка, ты сейчас вернешь часть долга, отдашь мне эти деньги или заберешь их обратно?

Лю Цюаньфу резко выпрямился, открыл рот, чтобы что-то сказать, но, увидев мрачное лицо Старика Лю, не решился.

Глубоко вздохнув, Старик Лю постучал трубкой и сказал:

— Надо поискать, у кого есть поросята, и купить пару.

— Хорошо, я запомнил, — Лю Яоцин положил медяки на стол и ушел.

Целый день он не был в горах, и, беспокоясь о делах, поспешил туда, пока еще не стемнело.

Фундамент был уже готов, и можно было увидеть очертания дома и двора. Лю Яоцин заметил, что работа продвигается быстро, и стал рассчитывать, когда можно будет переехать.

Осмотрев все, он нашел Лю Цюаньцзиня и велел ему не возвращаться домой на ужин, а поесть в доме Чжэцзы.

Лю Цюаньцзинь кивнул. Он был человеком без инициативы, Старик Лю его ничему не учил, и он был как деревяшка, упрямый и прямолинейный. Дома он воспитывал Лю Яоцина по методу Старика Лю, но с ним было легко справиться: если его занять работой, он не будет думать о другом.

Лю Яоцин и не собирался менять Лю Цюаньцзиня. Человек прожил десятки лет, и несколько слов не изменят его характер. Характер — это инерция, и Лю Яоцин, как и раньше, вел себя в семье без изменений.

Придя в дом Чжэцзы, Лю Яоцин сначала посмотрел на сегодняшние лепешки, подсчитал их количество, а затем отправился на кухню.

Ожидая ужина, он увидел, как Третий дядя Цинь вернулся с улицы, и с улыбкой сказал:

— Сегодня я не пригласил вас на ужин, извините.

— Ничего, ничего, — Третий дядя Цинь весело покачал головой.

Лю Яоцин просто соблюдал вежливость, чтобы не показать, что он не уважает старших в семье Чжэцзы. Их отношения с Чжэцзы были настолько близкими, что не требовали формальностей, но, учитывая, что здесь каждый день работало много людей, нужно было следить за порядком.

Торговец пришел забрать лепешки и принес с собой много еды, что избавило Лю Яоцина от необходимости покупать продукты. В хорошем настроении он дал ему несколько помидоров, которые оставил для себя.

Эти помидоры долго не хранятся, и их нужно было съесть как можно скорее, так что Лю Яоцин был рад сделать доброе дело.

— Торговля лепешками в уездном городе идет хорошо, — сказал торговец, который сегодня помог доставить часть лепешек в уездный город, чтобы заработать немного денег.

С тех пор как в уездном городе открылась лавка с лепешками, она быстро стала популярной.

Во-первых, цена была низкой, и каждый мог позволить себе купить одну или две лепешки за несколько медяков. Во-вторых, жареные листья овощей на свином жире были невероятно ароматными, и их запах притягивал людей. В-третьих, лепешки было удобно есть, их можно было купить и унести с собой, и они были вкусными как в холодном, так и в горячем виде.

Торговцы, продавцы дров, даже те, у кого не было много денег, охотно покупали лепешки, чтобы побаловать себя дома.

Постепенно лепешки стали известны, и бизнес процветал. Бабушка и ее семья зарабатывали деньги, а жители уездного города считали лепешки выгодными и охотно их покупали. Все оставались в выигрыше.

Проводив торговца, Лю Яоцин открыл письмо, когда в комнате никого не было.

Он умел читать, но не писать, так что прочесть письмо было легко.

Бабушка через своих дальних родственников смогла узнать кое-что. Оказалось, что один из ее дальних родственников, услышав о вкусных лепешках в уездном городе, специально приехал их купить и завел разговор с бабушкой.

Этот родственник жил недалеко от уездного города и окружного центра, был местным богачом и как раз знал происхождение уездного начальника Ду.

Ду был из боковой ветви большого клана Ду, и по его статусу он никак не мог быть просто уездным начальником, да еще и столько лет. Но Ду именно так и поступил, скрыв свое происхождение, и даже уездный чиновник ничего не знал.

Прочитав письмо, Лю Яоцин долго размышлял, чувствуя, что уездный начальник Ду не так прост, и, возможно, у него есть свои цели, но он не мог понять, как это связано с ним самим.

— Цин-гэр, посмотри, это яйцо скоро вылупится?

Чжэцзы подошел и осторожно постучал по яйцу, привязанному к его телу.

— Чжэцзы-гэ, скажи...

Лю Яоцин не мог понять и поделился своими мыслями с Чжэцзы.

— Какое бы дело ни было, если оно нас не касается, то и ладно, — Чжэцзы говорил с уверенностью. — Я уже поколотил тех солдат, теперь они работают усердно.

Лю Яоцин тоже успокоился и перестал думать об этом.

Яйцо всегда было теплым, значит, оно точно вылупится, только неизвестно, когда. Глядя на странное яйцо, Лю Яоцин с любопытством ждал, какая птица из него появится.

— Может, сегодня я буду его высиживать?

Первый, кого увидит птенец после вылупления, будет считать своим родителем, и Лю Яоцин был заинтересован.

Чжэцзы не возражал, и в тот же вечер Лю Яоцин взял яйцо домой, положил его на грудь и уснул.

Ночью яйцо само покатилося, оказавшись на груди Лю Яоцина, и в нем появилась маленькая трещина. Постепенно трещина расширялась, пока скорлупа не раскололась на две части, и маленький птенец, собрав последние силы, выполз из нее и прижался к теплу.

Утром, не поев дома, Лю Яоцин оделся, взял птенца и побежал в дом Чжэцзы.

Семь-восемь солдат, которых Лю Яоцин поселил на своей земле, построили шалаш и добавили несколько досок, так что жить им было вполне комфортно. Семь-восемь крепких мужчин могли справиться с любым зверем, который появится в горах.

Ели они в доме Чжэцзы, но Лю Яоцин вычитал стоимость еды из их заработной платы.

Даже если их статус отличался от деревенских жителей, Лю Яоцин относился ко всем одинаково, ведь никто не был выше другого.

— Кречет, — мужчина сразу определил.

Чжэцзы вышел из дома, увидел птенца в руках Лю Яоцина и улыбнулся:

— Это кречет, также называется соколом. Очень свирепый, в будущем сможет защитить Цингэра.

Пока что птенец был покрыт пухом, сидел, свернувшись, в руках Лю Яоцина, и выглядел совсем не свирепо.

Но это был настоящий хищник, и ему нужно было давать мелко нарезанное мясо, ничего другого он не ел. Лю Яоцин покормил его мясом, и птенец прижался к нему, закрыв глаза.

— Мешочек для яйца как раз подойдет.

Лю Яоцин решил носить птенца с собой и дал ему имя — Мао Бай.

С Мао Бай он бегал по горам, и это было не просто ради красоты.

Лю Яоцин слышал, что кречет — самый сильный из десятков тысяч орлов, гордый и осторожный, и его редко удается поймать. На этот раз ему удалось найти яйцо и случайно высидеть его, что можно назвать судьбой.

Дом строился быстро, и в день завершения крыши был большой праздник. Лю Яоцин приготовил лучший обед, накормил всех, а затем приступил к завершению строительства.

Крышу покрыли сухой травой, связанной в пучки, затем уложили ее на балки, сверху нанесли глину и положили серую черепицу.

Дом был простым, без резьбы и украшений, но построен из качественного серого кирпича, с широким и глубоким фундаментом, а стены были выше обычных, что придавало ему внушительный вид.

С появлением дома в горах появилась и жизнь, и через некоторое время Лю Яоцин планировал переехать туда, и тогда все станет еще лучше.

<http://bllate.org/book/16688/1531907>